

Вяземский П.П.

**Замечания на "Слово о полку Игореве" князя
Павла Петровича Вяземского**

Москва
Книга по Требованию

УДК 273
ББК 276

Вяземский П.П.

Замечания на "Слово о полку Игореве" князя Павла Петровича Вяземского / Вяземский П.П. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 676 с.

ISBN 978-5-4241-7847-4

Князь Павел Петрович Вяземский (1820-1888) — дипломат, литератор и историк русской литературы, сенатор.

ISBN 978-5-4241-7847-4

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Занимаясь объясненіемъ слова о походѣ Игоря, я счелъ необходимымъ обратить вниманіе на современное ему состояніе образованности и на литературное направленіе того времени, какъ въ Россіи и въ Восточной Имперіи, такъ и на западѣ, и разсмотрѣть письменные памятники, находящіеся въ соотношеніи съ симъ твореніемъ XII-го столѣтія, по предмету изложенія или по времени составленія оныхъ. Греческій писатель, преимущественно изученный пѣвцомъ Игоря, опредѣляется самъ собой ссылкой въ его пѣснѣ. Но одно литературное изученіе древняго міра не объясняетъ достаточно средства сего памятника съ древнею. Греческою словесностію; а по сему необходимо было обратить нѣкоторое вниманіе и на родственныя связи Словенскихъ племенъ съ древними народами, упоминаемыя въ сказаніяхъ классической древности, тѣмъ болѣе, что въ пѣснѣ ссть прямое на то указаніе. Единство, являющееся въ литературномъ направленіи XII столѣтія между всѣми современными писателями Восточной Имперіи, Германіи, Франціи и Русскимъ пѣвцомъ, а также и общее стремленіе къ изученію Троянскихъ сказаній, и соединеніе исторіи новѣйшихъ Европейскихъ племенъ съ древними родами, сильно подтверждають въ историческомъ отношеніи подлинность Слова о Полку Игоревѣ и современность его съ событіемъ въ ономъ изложенномъ. Но ни въ одномъ памятникѣ, стремленіе это не представляется съ той силой, какъ въ сей пѣснѣ. Вездѣ видны слѣды учености и подражанія Латинскимъ родословіямъ. Въ пѣснѣ же сей воспоминанія про древніе роды являются съ характеромъ народности и полною убѣжденія. Весьма замѣтно, что пѣвецъ Игоревъ самъ вѣритъ, и говоритъ людямъ вѣрящимъ и его понимающимъ.

Вторый вопросъ заключается въ опредѣленіи, какому

Словенскому нарѣчію принадлежитъ пѣснь. Вопросъ этотъ рѣшенъ уже въ Трудахъ Общ. Люб. Русск. Сл.—въ 1818 г. Балайдовичемъ. Г. Сахаровъ, въ статьѣ Рус. Народная Лит. (Сказ. Рус. Нар. Т. I, кн. I, 1841 г.), приводитъ различныя мнѣнія касательно сего вопроса. Нынѣ, при всеобщемъ изученіи древнихъ памятниковъ, вопросъ этотъ теряетъ совершенно свое значеніе: едва ли есть въ пѣснѣ одинъ оборотъ не встрѣчающійся въ прочихъ Русскихъ памятникахъ Кіевскаго періода. Что касается до выраженій, не попадающихъ въ другіе памятники Словено-Русскихъ до XIII столѣтія, то число ихъ весьма незначительно. Соединеніе же словъ въ одномъ и томъ же памятникѣ, принадлежащихъ разнымъ нарѣчіямъ, объясняется самымъ временемъ, въ коемъ слова сіи могли быть общи разнымъ племенамъ; отчасти же объясняется и свойствомъ самой эпической поэзіи, — происходящимъ можетъ быть отъ странническаго рода жизни поэтовъ. Таѣ, Гомеръ употребляетъ различныя нарѣчія, и всѣ правильно. Та же правильность въ употребленіи нарѣчій является и у пѣвца Игорева. Не говоря уже о неизслѣдованномъ происхожденіи Словено-Церковнаго языка, языкъ этотъ, въ историческій періодъ своего образованія отъ X до XII столѣтія и позднѣе, находился въ общемъ употребленіи въ Сербіи, Болгаріи и Руси—Новгородской и Кіевской, а посему и усвоеніе имъ разныхъ областныхъ выраженій есть самое естественное послѣдствіе его повсемѣстнаго употребленія въ Словенскихъ земляхъ. Входя въ языкъ Словенскій, сіи слова вмѣстѣ съ памятниками на немъ написанными могли переходить изъ Болгаріи въ Кіевъ, изъ Новгорода въ Сербію, и становиться достояніемъ вообще письменнаго Словенскаго языка. Кромѣ многочисленныхъ и явныхъ признаковъ живой Русской рѣчи, восторженная любовь къ Россіи,

обогащеніе Русскаго племени, и пламенное стремленіе къ единству Россіи, неопровержимо опредѣляютъ народность сочинителя Слова.

Третій общій вопросъ относительно Слова о Полку Игоревѣ состоитъ въ изслѣдованіи, писано ли оно стихами или прозой. Г. Сахаровъ собралъ относительно сего вопроса замѣчанія и опыты (сказ. Русск. Нар. кн. I) Гг. Максимовича, Востокова, Дубенскаго и Н. А. Полеваго.

Неимѣя никакого мнѣнія касательно сего вопроса, мнѣ остается лишь замѣтить, что можетъ быть не излишнимъ было бы сравнить Слово сіе съ современнымъ ему стихосложеніемъ въ Византіи и на Западѣ, преимущественно въ лирическихъ стихотвореніяхъ Южной Франціи и Германіи. Изъ Западныхъ писателей, Русскій пѣвецъ можетъ быть сравненъ съ нѣкоторыми даровитыми Провенсальскими Трубадурами и съ Вальтеромъ фонъ-дербъ Фогельвейде въ Германіи. Сближеніе въ *литературномъ отношеніи* Слова о Полку Игоревѣ съ *большою частію современныхъ поэмъ* Франціи и Германіи столь же было бы не разсудительно, какъ и причисленіе Слова къ разряду Русскихъ стихотворныхъ сказокъ. Русскія сказки и большая часть романовъ и поэмъ Французскихъ и Нѣмецкихъ, не смотря на ихъ внутреннее достоинство, суть произведенія не оригинальныя. До насъ достигли лишь подражанія и компиляціи поэтовъ—ремесленниковъ, болѣе или менѣе даровитыхъ. Сочинитель же Слова оригинальный и великій художникъ.

Намекъ, что Слово написано прозою, заключается въ самомъ названіи сего памятника словомъ: *λογος*, обозначающимъ произведенія прозаическія,—рѣчь, проповѣдь, сочиненія историческія, повѣсти, былины,—противуположности съ выраженіями *μυθος*, *επος*, *παιγμα*, обозначающими

стихотворныя и баснословныя сказанія. Однако же на употребленіе сего выраженія не въ слишкомъ опредѣлительномъ значеніи указывается въ самой повѣсти о походѣ Игоря, названіемъ опою *пѣсню*. Весьма можетъ быть, что Слово о Полку Игоревѣ представляетъ соединеніе прозаической рѣчи съ лирическими порывами и даже отъликами хора.

Четвертый общій вопросъ, возбужденный относительно отсутствія въ Слово о Полку Игоревѣ свойственной Русскому народу набожности, происходитъ кажется отъ недостаточнаго изученія сего памятника. Присутствіе языческихъ вѣрованій зависитъ менѣе отъ писателя, чѣмъ отъ времени и людей описываемыхъ въ повѣсти. Мы видимъ изъ лѣтописей и пастырскихъ поученій XII столѣтія, сколь сильно сохранялись въ то время въ народѣ языческія повѣрья и обряды. Въ той степени, въ коей суевѣрія эти встрѣчаются въ пѣснѣ, сохранились они даже и доселѣ въ памяти народной; заклинаніе жены Игоря не есть ли тотъ же заговоръ для отвращенія бѣды, который сохранился и нынѣ, съ тою разницею что заклинаніе Ярославны представлено болѣе поэтическимъ образомъ, а можетъ быть и съ большимъ сохраненіемъ подлинной вѣрности. Подозрѣніе въ язычествѣ, впрочемъ не основательное *) , долж-

---

*) Касательно сего вопроса находится весьма дѣльное замѣчаніе у Скемонди (De la Litt. du Midi de l'Europe. T. I. c. IX)..., «le Dante d'accord avec plusieurs Pères de l'Eglise, adopte toutes les fables du Paganisme, comme ayant représenté les démons sous les noms des dieux infernaux; ainsi il réunit toutes les brillantes couleurs de la Mythologie grecque, toute la puissance des souvenirs poétiques aux erreurs du Catholicisme. Michel Ange, en peignant le Jugement dernier, représenta l'Enfer du Dante; aussi l'on voit dans son tableau Charon transporter les âmes; et comme on oublie qu'il est le démon du fleuve, et non l'un des dieux des enfers, on reproche au peintre de la Chapelle Sixtine un mélange des deux religions, qui est cependant conforme aux croyances de l'Eglise.

но бы падать на жену Игоря, а не на писателя, представляющаго своихъ героевъ съ отмѣнною историческою вѣрностію. Упомянутое о Хорсѣ связано съ повѣствованіемъ о таинственныхъ движеніяхъ Всеслава Полоцкаго, представленнаго и въ Кіевопечерской лѣтописи волхвомъ. «Стрибожи внуци» есть лишь эпитетъ, имѣющій явное притязаніе на классицизмъ. Упомянутое Дажьбога, какъ родоначальника Русскихъ, объясняется также общимъ увлеченіемъ писателей того времени углубляться въ первобытныя судьбы народовъ, и прививать родословную своего племени и своихъ древнихъ родовъ къ мифическимъ родословнымъ.

Нравственное и духовное направленіе всей пѣсни есть чисто христіанское. Въ первой части Слова представлено паденіе Игоря, — увлеченнаго высокоуміемъ, самопадѣянностію, духомъ соревнованія, и непокоряющагося знаменію. Въ этомъ отдѣлѣ изображены страсти, губящія Русскую жизнь. Громко вопіетъ пѣвецъ о добродѣтели, и проповѣдуетъ Князьямъ духъ христіанскаго смиренія и братской любви.

Во второмъ отдѣлѣ изображается *мудрый* и престарѣлый Святославъ, старающійся освободить падшаго Игоря. Но ни разумъ, ни опытность, ни могущество Святослава, ни рвеніе и бодрость молодыхъ Князей, не могутъ спасти пораженнаго грѣшника. Виѣшнія дѣла уже утратили спасительную силу. Эта часть оканчивается заклинаніемъ Ярославны. Одна лишь высшая сила можетъ освободить Игоря. Вслѣдъ за заклинаніемъ жены Игоря начинается третій и послѣдній отдѣлъ Слова: освобожденіе Игоря, и изображеніе природы и Россіи, торжествующихъ оное. Кромѣ сего духовнаго направленія Слова о походѣ Игоря, весьма замѣтно въ немъ вліяніе библейскаго слога, на вы-

раженія и обороты, въ особенноти же пророковъ, псалмовъ и дѣяній Апостольскихъ.

Въ заключеніе должно еще замѣтить, что невозможно судить о семь памятникѣ XII столѣтія по памятникамъ Русской Словесности Московскаго періода ни въ литературномъ, ни въ умственномъ отношеніи: ибо образованіе въ этихъ двухъ періодахъ весьма различно, какъ это уже замѣтилъ Карамзинъ. Въ немногочисленныхъ памятникахъ Словенской письменности отъ IX до начала XIII-го столѣтія виденъ *трудъ* людей призванныхъ; — въ несравненно многочисленнѣйшихъ памятникахъ XIV и XV-го и послѣдующихъ столѣтій, умственное приготовленіе и призваніе слабы, и рѣдко являются въ произведеніяхъ мірской словесности. Возрожденіе словесности въ Россіи послѣ Татарскаго ига уже не имѣло того благодатнаго и обильнаго источника, коимъ пользовалась Россія въ первыя столѣтія своего христіанскаго просвѣщенія. Тотъ же самый ударъ, который столь сильно и благодѣтельно подѣйствовалъ на умственное возрожденіе Европы, прервалъ сообщенія Россіи съ источникомъ обще Европейскаго просвѣщенія, — и самый источникъ изсякъ.

Я рѣшаюсь сообщить посильный трудъ мой соотечественникамъ моимъ, занимающимся Русскими древностями, въ той надеждѣ, что изученіе Слова о Полку Игоревѣ и изслѣдованія мои для поясненія онаго, можетъ быть, послужать къ вѣрнѣйшему пониманію этого памятника XII столѣтія, выразившаго современное состояніе Отечества нашего въ ученномъ, политическомъ и духовномъ отношеніяхъ.

С.-Петербургъ.
12 Апрѣля 1851 года.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Въ предисловіи 1851 года изложены и обстоятельство, давшее начало моимъ изслѣдованіямъ о Словѣ о Полку Игоревомъ, и ихъ программа. Я не рѣшился бы и тогда выпустить въ свѣтъ эти изслѣдованія, если-бъ не былъ побужденъ къ тому и ободренъ Александромъ Николаевичемъ Поповымъ, однимъ изъ представителей много уважаемаго мною Московскаго кружка высокообразованныхъ и ученыхъ людей, посвящавшихъ себя всецѣло развитію и успѣху Русской науки.

Послѣ напечатанія моихъ «Замѣчаній на Слово о Полку Игоревѣ», во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, я постоянно продолжалъ собирать матеріалы могущіе служить къ поясненію этой проблемы нашей древней литературы, по выраженію П. М. Строева. Этотъ накопившійся, въ теченіи многихъ лѣтъ, разнообразный матеріалъ, мнѣ приходится и нынѣ издавать вслѣдствіе благосклоннаго и настоятельнаго побужденія покойнаго Предсѣдателя Археографической Коммисіи Павла Александровича Муханова и его преемника Владиміра Павловича Титова. Долгомъ считаю пред-

XII

упредить читателя, что я представляю не систематическій докладъ, а такъ сказать слѣдственное дѣло почти въ томъ самомъ порядкѣ какъ оно слагалось. Питая предубѣжденіе противъ вывода общихъ началъ, а равно и противъ предвзятыхъ идей я всемѣрно старался отъ нихъ отрѣшиться. Стремленіе къ выводу общихъ началъ, столь соблазнительное для изслѣдователя, и предвзятая идея необходимо влекутъ за собой устраненіе многихъ фактовъ, неподходящихъ подъ уровень придуманной системы.

Читатель замѣтитъ можетъ быть, что въ моемъ трудѣ обращено слишкомъ большое вниманіе на гностическія секты. Гностическія секты были однимъ изъ самыхъ главныхъ проводниковъ распространенія древнихъ басенъ. Кромѣ Троянскихъ сказаній объ Еленѣ, гностики вообще придавали большое значеніе сказкамъ. Святой Иринеѣ, писавшій во второй половинѣ втораго столѣтія, прямо указываетъ какъ Валентіане глядѣли на басни: «Такимъ же образомъ «и эти люди сшиваютъ старушечьи басни, и потомъ, вырывая оттуда и отсюда слова, выраженія и притчи, хотятъ къ своимъ баснямъ приспособить изреченія Божіи» (кн. 1 гл. VIII § 1). Это свидѣтельство Св. Иринеѣ весьма важно для постановки вопроса о дошедшихъ до насъ басняхъ на твердую почву. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Св. Иринеѣ не говоритъ, чтобы сказки эти были сочиняемы сектаторами, напротивъ слова его прямо указываютъ на то, что они были издревле распространены въ народѣ, сектаторы же пользовались ими для подтвержденія своихъ ученій. Многие изъ уцѣлѣвшихъ сказокъ носятъ на себѣ отпечатокъ гностическаго вліянія и этимъ отчасти объясняется связь памятниковъ народной словесности съ древними классическими, буддійскими, ирапскими и семитическими мифами. Для объясненія мифовъ и

сказаній весьма часто прибѣгаютъ къ двумъ формуламъ: или разнородныя величины приводятся къ одному знаменателю, или стараются согласовать кажущіяся противорѣчія посредствомъ среднихъ пропорціональныхъ выводовъ; такимъ образомъ не рѣдко получаютъ выводы не соответствующіе ничему обращавшемуся въ дѣйствительности. Количество бытовыхъ и умственныхъ движеній, совершавшихся въ теченіи вѣковъ, среди различныхъ народностей и различныхъ слоевъ обществъ, до того безмѣрно велико, что едва-ли правильно приносить факты въ жертву какой либо системѣ. Съ другой стороны самыя противоположныя взгляды на древнія сказанія почти всегда болѣе или менѣе правильны, каждый въ отдѣльности, по отношенію къ какому либо ихъ разряду или даже къ тому или другому въ нихъ наслоенію. Господствующія же школы, злоупотребляя своимъ авторитетомъ, кажется, слишкомъ ревниво отстраняютъ и уничтожаютъ въ зародышѣ попытки, расходящіяся съ ихъ направлениемъ.

Меня упрекали за то, что я не подчиняюсь общепринятымъ мнѣніямъ, что гипотезы мои доведены до крайности, что я опираюсь иногда на источники, не пользующіеся авторитетомъ. Подчинять изслѣдованія въ области словесныхъ наукъ какой либо регламентаціи едва-ли правильно. Едва-ли правильно также называть гипотезой Троянство Троянъ, признаніе въ Баянѣ—знаменитѣйшаго изъ прототиповъ всемірнаго эпическаго Пѣвца и въ Черноморской Дѣвѣ Обидѣ—вѣчно прекрасной Елены, губительницы рода человѣческаго. Если я себѣ позволялъ относиться полемически къ нѣкоторымъ изъ представителей Русской современной науки, то это единственно только въ такихъ случаяхъ когда я считалъ необходимымъ снять запрещеніе, налагаемое совершенно произвольно на свободу изслѣдованій.

XIV

Враждуя противъ искусственности и систематизаціи въ наукѣ, невольно увлекаешься въ противоположную крайность и я извиняюсь передъ читателемъ за отсутствіе въ моемъ трудѣ методы и за небрежность въ изложеніи.

Вся моя задача состояла въ собраніи фактовъ, хотя и не всегда прямо относящихся къ изслѣдываемому предмету, но необходимыхъ для воспроизведенія той духовной обстановки, въ коей вращался пѣвецъ XII столѣтія. Прогрессивное движеніе науки вслѣдствіе новыхъ, постоянно обнарождаемыхъ во всѣхъ концахъ земли свѣдѣній, непрерывно преобразовываетъ искусно придуманныя сооруженія, а потому я предпочелъ ограничиться ролью собирателя.

Филологія у насъ относится къ наукамъ положительнымъ, какъ живопись начала XIX столѣтія, до изобрѣтенія свѣтописи, къ современному искусству, вынужденному вслѣдствіе вѣрности общедоступныхъ фотографическихъ снимковъ внимательно изучать природу не увлекаясь призраками воображенія. Сравнительное изученіе народной словесности необходимо заставляетъ обращаться къ источникамъ. Превосходные труды А. Н. Аванасьева, О. П. Буслаева, А. Н. Веселовскаго, Я. К. Грота, О. Э. Миллера, Н. П. Минаева, А. Н. Пыпина, В. В. Стасова, Н. С. Тихомирова и издателей и сотрудниковъ Филологическихъ Записокъ въ Воронежѣ пролагаютъ и у насъ путь къ живосному источнику.

Надѣюсь, что настоящее мое изслѣдованіе вызоветъ замѣчанія лицъ, занимающихся изученіемъ Русскихъ Древностей, которыми я могъ бы воспользоваться при изданіи текста Слова о Полку Игоревѣ, мною приготавлиаемаго къ печати.

Неудовлетворительность формы, въ которую мнѣ удалось привести массу собраннаго матеріала, отчасти устраняется